

Успехи в деле...
В деле...
Успехи в деле...
Успехи в деле...

Не забудь...

Пушкиниана

"Ар"

XVII Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии

«Все приготовления были закончены. Сигнал к началу поединка был дан... Противники начали сходить. Они шли друг на друга грудью. Пушкин сразу подошел почти вплотную к своему барьеру. Дантес сделал четыре шага. Соперники приготовились стрелять. Спусти несколько мгновений раздался выстрел. Выстрелил Дантес».

Еще ребенком я изводил взрослых вопросом: почему Пушкин не выстрелил первым? Вырос, но этот «детский» вопрос так и не давал покоя.

Допустим самое простое — Дантес опередил, потому что выстрелил, не дойдя шага до барьера. Но ведь Пушкин-то раньше него «подошел почти вплотную к своему барьеру». Зачем? Чтобы вернее прицелиться? Но расстояние между брошенными на снег шинелями всего десять шагов, а Пушкин был прекрасным стрелком — по свидетельству кишиневских знакомых, упражняясь, всаживал одну пулю в другую. Что ему эти несколько шагов разницы? Он мог стрелять и сразу же после знака Данзаса — условия дуэли позволяли. Так в чем же дело? Волнение? Замешательство? Снова обратимся к Данзасу — во время подготовлений «Пушкин молчал, по-видимому, был столько же покоен, как и во все время пути, но в нем выражалось сильное нетерпение приступить скорее к делу».

Тогда, может быть, случайность? К такому объяснению прийти никогда не поздно, пока же есть возможность поискать более основательную трактовку поведения поэта в своей последней дуэли.

Начнем с того, что подобный метод выяснения отношений был весьма популярен в те годы. Элементарное понятие о правилах и тактических приемах в поединках было естественно для любого дворянина. Пушкин же, как известно, специально интересовался этими вопросами — читал соответствующую литературу, исследовал историю различных поединков, подробно расспрашивал знатоков. При этом поэт имел интерес вовсе не праздный — к примеру, долгое время он готовился к встрече с Ф. И. Толстым — американцем, противником чрезвычайно опасным и опытным. Необходимо было продумать массу возможных вариантов (не случайно в рукописях поэта появлялись рисунки пистолетов). Толстого-бретера мог переиграть только Пушкин-психолог, поскольку дуэль — акт прежде всего психологический. Не надо забывать, что, кроме практической апробации найденных решений, у Пушкина был еще один путь — литературный. В случае ошибки, фальши в описании дуэльной ситуации гибло бы в глазах сведущего читателя все произведение.

Дуэль с Дантесом также довольно долго маячила на горизонте его судьбы, то приближаясь, то удаляясь. Поэт имел возможность серьезно изучить характер противника, проиграть в уме десятки вариантов, найти оптимальный. Правда, для выполнения заранее намеченного плана дуэлянт должен по меньшей мере обладать храбростью и хладнокровием. По поводу первого качества ни малейших сомнений быть не может. По свидетельству П. И. Бартечева, Пушкин записал для себя одно из наставлений князя Потемкина Н. Н. Раевскому: «Старайся испытать, не трус ли ты: если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем». Поэт следовал этому наказу. Относительно второго качества приведем слова И. П. Липранди:

«Будто бы ничего иного у него в эту минуту в уме не было».

Жуковский и еще многие-многие другие, приводя этот факт, склонны видеть в нем лишь пример редкостного самообладания, но, простите, для человека серьезного, прекрасно оценивающего свое значение для России, для словесности, для того же «Современника», для друзей, наконец, для семьи, не пример ли это еще и редкостной беззаботности? Чтобы отместить подлое предположение, достаточно сравнить его дела и слова перед дуэлью и после нее, когда Пушкин действительно давал массу итоговых поручений.

Для того чтобы «запланировать» гибель, поэт должен был еще и рассчитывать, что это входит в планы противника. Но с большей вероятностью можно было предугадывать обратное —

«...его разумного повода; ему просто жизнь надоела, и он решил на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир».

Очень не хотелось бы, и благо, факты не позволяют, разделить мнение этого человека. Вспоминается пушкинское — «Но не хочу, о други, умирать; я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» или «О нет, мне жизнь не надоела, я жить люблю, я жить хочу, душа не вовсе охладела, утрая молодость свою. Еще хранятся наслаждения для любопытства моего...»

Вряд ли можно говорить об особом стремлении Пушкина принести себя в жертву чести в поединке с Дантесом и ознакомившись с ходом более ранних известных дуэлей поэта.

Первый поединок по выходе из лица. Пушкин — Кюхельбе-

рос, отмечает важную закономерность:

«У него (Пушкина. — А. В.) было 4 поединка; все 4 раза он стрелялся всегда через барьер; всегда первый подходил быстро к барьеру, вынидал выстрела противника и потом — 3 раза оканчивал дело шутно...» (В другом варианте — «подходил вплотную к барьеру и подзывал противника». — А. В.)

Здесь можно возразить, что аналогии между первыми тремя дуэлями и последней, с Дантесом, проводить нельзя, те были куда менее серьезные, но, анализируя различные поступки и высказывания Пушкина, волевым решением приходишь к выводу, сделанному ранее Ю. М. Лотманом:

«Первым оружием Пушкина в борьбе с униженностью его реального существования была... глубокая вера в собственное достоинство, в свою значительность и твердая решимость во всех случаях, до самых ничтожных, защищать свою гордую независимость».

Недаром еще Вигель говорил о пушкинском «чувстве чести, которым весь был он полон». Другое дело, что в каждом отдельном случае необходимо раздумать различную сатисфакцию, как по форме, так и по силе. С одними можно в конце концов покончить дело шуткой, с другим, Дантесом, сделать этого он, конечно, не мог.

Сходность поведения Пушкина на дуэлях, дуэлях разных, позволяет сделать вывод не только о выработанной годами манере, но и о точном следовании своим планам в поединках.

Так что же, Пушкин хотел убить Дантеса? И потому, как поступали опытные бретеры, сначала вызвал на себя выстрел противника? Но бретеры в таком случае никогда не подходили быстро к барьеру, наоборот — шли уверенно, но медленно, раздражая противника и в то же время сохраняя нужное для его промаха расстояние. Затем подзывали уже выстрелившего противника к барьеру и спокойно, с минимального расстояния стреляли сами. В дуэли Пушкина с Дантесом этот вариант был невозможен — по условиям, выработанным секундантами, «после выстрела противником не дозволяется менять место, для того, чтобы выстреливший первым огню своего противника подвергся на том же самом расстоянии». А стало быть, Пушкин, если предположить, что он стремился непременно убить противника, стрелял бы первым.

Но «гений и злодейство две вещи несовместные». Гибель Дантеса Пушкин не мог желать хотя бы и потому, что месть просто не состоялась бы. В глазах света поручик Дантес с честью почил бы в бозе.

С каким же намерением приходил Пушкин на Черную речку? Бесспорно одно — защитить свою честь. И вот под этими словами, как правило, понимаем дилемму — погнубить или убить. А почему же не быть третьему варианту?

Любопытные строки встречаем в письме к Пушкину Жуковского от 14—15 ноября 1836 года:

«Вот что приблизительно ты сказал княгине (В. Ф. Вяземской. — А. В.) третьего дня, уже имея в руках мое письмо: «Я знаю человека, написавшего анонимные письма, и через неделю вы услышите, как станут говорить о МСТИ, ЕДИНСТВЕННОЙ В СВОЕМ РОДЕ: ОНА БУДЕТ ПОЛНАЯ, СОВЕРШЕННАЯ; ОНА БРОСИТ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА В ГРЯЗЬ...» (выделено мною. — А. В.)

Слова эти обычно относят к написанию письма, в котором поэт собирался разоблачить Геккерена-старшего, предать гласности его поступки, несовместимые с положением посла иностранной державы. Пусть так. Нас в данном случае интересует другое, характерно пушкинское — если месть, то уж единственная

«Месть, единственная в своем роде»

Алексей БАРХАТОВ

ГИПОТЕЗЫ, ДОГАДКИ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

«Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до испуга; но в минуту опасности, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя в высшей степени невозмутимостью... Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным как лед. На моем веку, в бурное время до 1820 года, мне случалось не только видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в таком же положении, а подобной натуры, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немногих».

Теперь рассмотрим поведение Пушкина с учетом того, что план, вероятно, существовал и качествами для его реализации поэт обладал.

«Пушкин сразу подошел почти вплотную к своему барьеру». Что это? Запланированное желание смерти? Подобная версия достаточно описана, и потому останавливаться на ее аргументах не будем. Но не кажется ли странным, что, имея подобный план, поэт столь буднично распоряжался оставшимся до поединка временем? В. А. Жуковский в письме к С. Л. Пушкину отмечал:

«Его спокойствие было удивительное; он занимался своим «Современником» и за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице Русской Истории для детей, трудившейся для его журнала); в этом письме, довольно длинном, он говорит ей о назначенных им для перевода пьесах, и входит в подробности о ее истории, на которую делает критические замечания, так просто и внимательно, как

Дантесу не нужна кровавая развязка. Последствия ее ничего хорошего не сулили ни делающему карьеру блестящему гвардейскому офицеру, ни его приемному отцу — голландскому посланнику. Дантес жаждал лишь неперемогного соблюдения приличий, заявляя перед дуэлью: «Я человек честный и надеюсь скоро это доказать». Хитрый Геккерен-старший даже находил способ дать это понять Пушкину. За день до дуэли поэт получил его письмо, в котором сразу же после слов — «Мне остается только сказать, что вычтот д'Аршиак едет к вам, чтобы условиться о месте встречи с бароном Геккереном; прибавляю при этом, что эта встреча должна состояться без всякой отсрочки», — говорится:

«Впоследствии, Милостивый Государь, я найду средство научить вас уважению к званию, в которое я облечен и которое никакой выходка с вашей стороны не оскорбит не может».

Приводя это письмо в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина», П. Е. Щеголев справедливо не удерживается от комментария: «Очевидно, Геккерен не верил в серьезность дуэли, если писал, что впоследствии, после дуэли он найдет средство научить Пушкина уважению к его званию. Не лишняя ли интереса черточка!»

Это потом, спустя месяц, стремясь обелить сына, Луи Геккерен писал сестре Дантеса:

«...Его противником был безумец, вызвавший его без вся-

кого. Дело было зимой. Кюхельбекер стрелял первым и дал промах. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища, но тот неистово кричал: стреляй! Пушкин насилу его убедил, что невозможно стрелять, потому что снег набился в ствол. Поединок был отложен, и потом они помирились. Допустим, что, зная Кюхлю, который впоследствии на Сенатской площади уже и не помнил, как обращаться с пистолетом, Пушкин мог позволить ему выстрелить первым, так же как и убедить его затем в невозможности собственного выстрела.

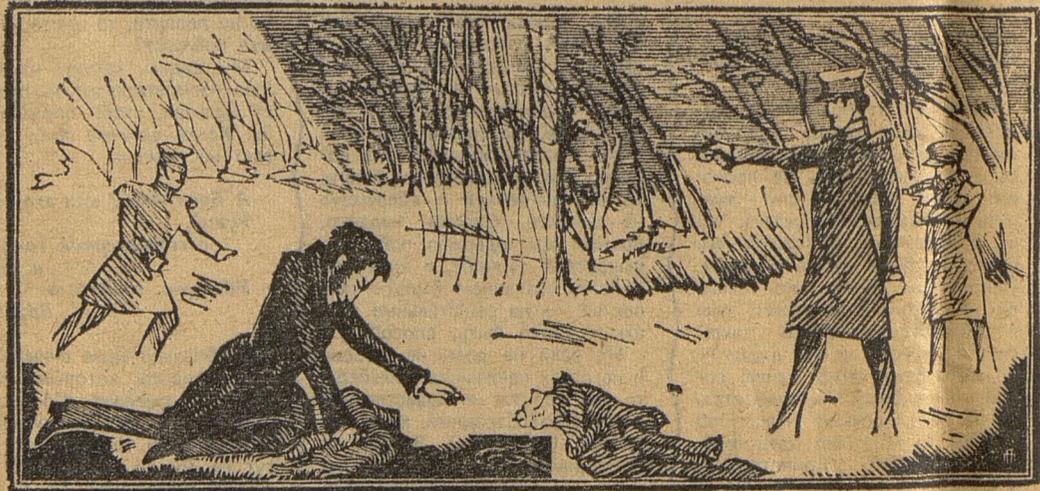
Перейдем к его кишиневскому поединку с офицером генерального штаба Зубовым. Некоторые обстоятельства этой дуэли, на что обращал внимание один из первых пушкинских биографов — П. И. Бартечев, были использованы Александром Сергеевичем в повести «Выстрел».

«Это было на рассвете, — рассказывает Сильвио, — я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами... Он приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмерили нам двенадцать шагов... Он стоял под пистолетом, выбирал из фуражки спелые черешни и выплевывала косточки, которые долетали до меня».

И действительно, по свидетельству многих, и в том числе В. П. Горчакова, бывшего тогда в Кишиневе, на поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял. Противник его стрелял первым и не попал. «Довольны ли вы?» — спросил его Пушкин, которому пришел черед стрелять. Вместо того чтобы требовать выстрела, Зубов бросился с объятиями. «Это лишнее», — заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился.

Во время следующей кишиневской дуэли, с известным своей храбростью ветераном 1812 года, командиром 31-го егерского полка Семеном Никитичем Старовым, по одной из версий, Пушкин вел себя приблизительно так же — спокойно переждав выстрел соперника и затем произнес: «Полковник Старов слава богу здоров», — отправился восвояси, дав повод своему сопернику затем признать: «Вы так же хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете».

Трудно ругаться за детальную точность в описании всех этих случаев, однако В. И. Даль, специально изучавший этот воп-

П. ПАВЛИНОВ. «Дуэль Пушкина с Дантесом». Гравюра на дереве. 1922 год.

в своем роде, полная, совершенная, духовная, а не физическая.

В чем же могла быть ее суть? А вот в чем — заставить Дантеса публично проявить свою трусость. Сам Пушкин это качество в Дантесе разглядел давно, именно этим объяснял и женитьбу на Екатерине. Но, как писал в свое время поэт малодушному Дегили, «недостаточно быть трусом, нужно еще быть им откровенно». А что за жизнь была бы затем у гвардейца-труса, да и у отца гвардейца-труса, можно себе представить.

План у Пушкина мог быть психологически тонким и верным, своей цели поэт должен был достичь с неотвратимостью шахматной задачи. Для этого необходимо лишь методично и дерзко ломать планы противника, постоянно обостряя ситуацию.

Заметьте, Луи Геккерен в упоминавшемся уже письме намекает на легкую дуэль, а на следующий день, за два часа до дуэли, узнает, что расстояние всего десять шагов и в случае безрезультатности первых выстрелов все повторится снова. Причем ясно, что на таких страшных условиях настоял через своего секунданта Пушкин. Геккерену и Дантесу приходится срочно менять свой план. Еще уповав на то условие, что стрелять можно сразу же после знака секунданта и тем увеличить расстояние вдвое, встревоженный Геккерен уже присылает на всякий случай свою карету к Комендантской даче.

Нетерпение Пушкина в момент приготовления к дуэли, надо думать, тоже не ускользает от Дантеса. Вот их развели. Дан-

тес не торопится ни сблизиться, ни стрелять. Тем более что по дуэльному кодексу стрелять в воздух имеет право только стреляющий вторым. А Пушкин вдруг «сразу подошел почти вплотную к своему барьеру». Замешкаться Дантесу нельзя — сочтут за трусость. И он идет. Но что дальше? С одной стороны — нельзя стрелять в поэта, с другой — нельзя не стрелять, Пушкин уже поднял пистолет. Если стрелять, то куда? «Целить в ляжку или в висок»? Кстати, в своих комментариях по поводу этих строк «Евгения Онегина» Ю. М. Лотман замечает, что дуэлянту «предстоит разгадать планы противника в те считанные минуты, которые отделяют начало дуэли от первого выстрела». Пушкин и того времени не дал. Вполне вероятно, что Дантес до последнего мгновения не справился с вопросом, куда целить, и уже неосознанно в спешке рука выбрала «нечто среднее».

Пушкин ждал этого выстрела, смерти не боялся, но, видимо, был достаточно уверен в промахе или легкой ране. И тогда Дантес мог снова бледнеть под дулом его пистолета и проявить свою слабость, как это сделал когда-то Зубов. А если и тут выдержал бы, то неведимый Пушкин, учитывая условия дуэли, не стал бы стрелять, иначе все снова. Он мог бы оставить выстрел за собой, как его Сильвио. Выработанные секундантами условия не учитывали такого варианта, а стало быть, не запрещали. Дантес же на подобное предложение не мог не ответить согласием, иначе над ним вновь нависала бы угроза прольнуть трусом. Это был бы достойный заключительный ход задачи. Тем более что наказанием Пушкину за подобную бескровную дуэль могло быть и желанное — удаление в деревню вместе с Натальей Николаевной. Мне могут вполне резонно за-

метить, что Пушкин все же стрелял в Дантеса и, увидев его падение, вскричал: «Браво!» — подбросил вверх пистолет. Да, но это было единственное, что оставалось, поскольку теперь его нестреляние объяснено было бы лишь физической невозможностью. В тот миг, чувствуя серьезность своей раны, он действительно хотел поразить Дантеса. Его состояние и мысли, на мой взгляд, объясняют и слова, сказанные в ответ на весть о легком ранении Дантеса: «Странно, я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет. Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем».

«...Я чувствую теперь, что нет» и «снова начнем». Зачем? Не затем ли, что замысел не удался ныне, но может свершиться в следующий раз? Впрочем, Дантес струсил — Пушкин добился своей цели, но слишком дорогой ценой.

Кстати, почти во всем похожие свидетельства секундантов о ходе дуэли резко расходятся в одном эпизоде — замена пистолета Пушкину. Д'Аршиак объясняет, что считал это против правил и хотел помешать Дантесу, но Дантес жестом остановил своего секунданта. Данзас утверждает, что жеста никакого не было. Д'Аршиак, видимо, хотел этим подчеркнуть храбрость и благородство Дантеса. Впоследствии сведущий С. А. Панчулидзев пояснил: «В данном случае прав Д'Аршиак: замена пистолетов, раз они взяты в руки противниками, не допускается. Но Данзас прав, что снег, набившийся в дуло пистолета Пушкина, мог на морозе только усилить «удар выстрела», а не ослабить его». Так что замена пистолета была выгодна лишь Дантесу, как из-за силы выстрела, так и из-за оттяжки времени. Тяжело раненный, Пушкин мог уже и не поднять пистолет.

Удивительно похожую психологически дуэльную ситуацию мы можем наблюдать в перматовском «Герое нашего времени». Вот слова Печорина:

«Я его поставил в затруднительное положение. Стелясь при обыкновенных условиях, он (Грушницкий. — А. В.) мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягочая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте».

Смотрим дальше — нерешительность Грушницкого, поначалу целившего в лоб, затем опустившего пистолет и после брошенного его секундantom слова «трус» вновь поднявшего, привела к выстрелу, лишь царапнувшему колено Печорина. Еще более поражает общая деталь с заменой пистолета у Пушкина и Печорина и протес-

том при этом секунданта. Что ж, о взаимовлиянии жизни и литературы известно давно.

В статье А. Гроссмана «Исторический фон «Выстрела», кроме всего прочего, есть одно интересное замечание:

«Дуэль всегда привлекала Пушкина и не только как акт молодечества, но и как заманчивый литературный факт. Он глубоко ощущал благодарный композиционный материал этой темы, ее высокую сюжетную насыщенность, ее способность туго напрягать действие расказов и резко выявлять все изломы главных характеров».

Нельзя раззывать Пушкина человека и Пушкина-творца, они связаны одним характером, самые бурные волны чувств не гасили, а разжигали его творческую активность. Не Пушкин — меткий стрелок, а Пушкин-творец, тонкий психолог, умевший «резко выявлять все изломы главных характеров», готовился к «мести, единственной в своем роде». И свершил ее.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ГИПОТЕЗЕ

Специалисты и просто читатели хорошо знакомы с так называемой запиской В. И. Дала о дуэлях Пушкина. Но, кажется (работая над книгами о Дале, я такого рода указаний не встречал), никто не осознал в полной мере некую общую закономерность всех пушкинских поединков, отмеченную Далем: давал противнику первый выстрел, подходил «вплоть к барьеру», подзывал противника. Даль не был свидетелем ни одной из этих дуэлей, записка начинается словами «Я слышал»; поведение Пушкина во время поединка было, таким образом, известно в кругу близких поэта.

Алексей Бархатов, изучая дуэли Пушкина, со свежей пристальностью прочитал строки Далева записки, отчасти, видимо, давшие направление его мыслям, отчасти подтвердившие его собственные предположения. Автобиографические подробности в «Выстреле» несомненны. Алексей Бархатов относит к ним и возможность оставленного за собой выстрела. Опытный дуэлянт, сообщает Ю. М. Лотман в своем исследовании о дуэлях, «не стреляет с ходу, с дальней дистанции... а, идя на рис, дает по себе выстрелом, требует противника к барьеру и с короткой дистанции расстреливает его как неподвижную мишень». Пушкин начинал поединки как опытный дуэлянт, но противника не расстреливал. У того же Дала есть строки, не привлекавшие внимания Алексея Бархатова, но подтверждающие его мысль: «Подробности другого поединка... не помню, знаю только, что противник Пушкина не выдержал, что Пушкин отпустил его с миром, но сделал это тоже по своему: он сунул неразряженный пистолет себе под мышку, отвернулся в сторону...». Пушкин оставлял выстрел за собой, но не требовал его.

Один из известных наших пушкинистов говорил, что невозможно представить удовлетворенно возвращающегося с места поединка Пушкина, целого и невредимого, следом за которым в другой карете везут убитого Дантеса. Но являлась ли «желанная смерть», мотив которой часто звучал в последних стихотворениях Пушкина и его высказываниях, единственной альтернативой? Вряд ли (и Пушкин понимал это и даже об этом писал): смерть Дантеса или его собственная смерть были тем неотразимым ударом, который желал нанести он противнику. Не находил ли поэт какою-либо иного пути, чтобы раз и навсегда достойно решить дело? «Вперед! Вся ваша сволочь будет л мучить казнию стыда!» Вспомним, что писал Пушкин Геккерену по поводу «ноябрьской истории»: «...Я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызвала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном».

Гипотеза Алексея Бархатова непременно вызовет интерес читателей. Хотя возможны и возражения — ведь все-таки это гипотеза. Но она побуждает нас еще раз обратиться к самой трагической странице биографии Пушкина; она к тому же помогает нам задуматься над особенностями сознания человека пушкинского времени, которого мы нередко творим «по собственному образу и подобию». Разделим мы точку зрения Алексея Бархатова или нет, она во всяком случае заставит нас считать уже с самим фактом ее существования.

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

ПУШКИН

Он кто!
Поэт с блестящим слогом,
Недосягаемым во веки!
Он — как пророчествовал Гоголь —
Грядущий русский человек
С его гармонией и жадной
На все в душе найти ответ.

Вот для чего пришел однажды
В несовершенный мир Поэт.
Для всех живущих поколений,
Святыни ценящих своих,

Он с каждым годом современной
Во дни печали и любви.

Коснется лишь души и слуха
Его «Пора, мой друг, пора!»,
И вновь зовут высоты духа,
Вершины правды и добра.

Прекрасный жребий нам отпущен —
Дерзнуть и до высот дойти,
Твердя на жизненном пути
Как заклинанье:
«С нами — Пушкин».

Александр БОБРОВ

НАД СТРАНИЦАМИ КЛАССИКИ

Руслан КИРЕЕВ

ОТ ЗАМКА К ОБЩЕЖИТИЮ

О «Маленьких трагедиях» А. С. ПУШКИНА

«Литературная Россия» регулярно ведет рубрику «Над страницами классики». В ней выступали Д. Гранин, Д. Благой, Е. Осетров и другие. Сегодня слово предоставляется прозаику Р. Кирееву, который рассказывает о своем прочтении «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина.

ДЛЯ НАЧАЛА зададим вопрос: собирался ли Альбер отравить отца? Что ждал смерти его — это очевидно, он и не скрывает этого («Ужель отец меня переживет?»). Вопрос: собирался ли отравить?

Странное на первый взгляд предположение. Вздорное. Разве не хотел он собственными руками повесить ростовщика Соломона за его вкрадчивый совет ускорить смерть прижимистого родителя?

Как! отравить отца!
и смел ты сыну...

Есть от чего выйти из себя. За кого принимают его! Надобно совсем не знать человека, чтобы подумать о нем так! Или совсем не знать, или знать слишком хорошо. Насквозь видеть, угадывая то даже, что сам он покамест предпочитает не замечать...

Замечать не замечает, но проговаривается: «Вот до чего меня доводит отца родного скупость!». Меня доводит. Не его, не процентчика, дерзнувшего

сделать столь гнусное предложение, а меня. «Я весь дрожу...»

От чего? От праведного гнева? Но тогда что-то слишком быстро остывает оскорбленный сын. И минуты ведь не проходит, а уж посылает слугу вернуть ростовщика. Впрочем, тут же раздумывает. «...Постой, его червонцы будут пахнуть ядом». Неприятный запах... Но только ли неприятный? А может, еще и соблазнительный? В таком случае не есть ли его дрожь — дрожь страха перед самим собой, способным, оказывается, на такое злодеяние? Надо во что бы то ни стало предотвратить его. Как? Единственная возможность — «искать управы у герцога». А если и он не по-

может? Ростовщик, невольный знаток человеческого сердца, приоткрыл перед Альбером (малость, правда, поторопившись) собственную его душу, и молодой барон ужаснулся, увидев...

А старый? Старый барон увидел тоже. Почуял. Угадал. «Он... он меня хотел убить», — с запинкой выговаривает он. С запинкой, потому что не в силах поверить. Фактов-то нет на руках. Никаких. «Доказывать не стану я...». Тем поразительней его интуиция.

Ну, хорошо, хотел отравить. Мог. Был способен. Что же в таком случае останавливает его? Жалость к отцу? Сыновья любовь? Страх возмездия? Ни то, ни другое, ни третье. Жалости, а тем более любви нет и в помине, что же касается отваги, то ее «тигренок» и «безумец» не занимать. Совсем недавно, помним мы, одержал победу в рыцарском турнире, и хотя «геройству что вино было? — скупость», — на решительные действия, стало быть, способен.

Но если не долг, не любовь и не страх сдерживают Альбера, то что же? Уж не нравственное ли чувство? Странный, коли так, злодей. Необычный. Злодей в потенциале... До сих пор мы что-то не встречали таких. «Когда творишь зло, твори его до

конца. Безумие останавливаться на полпути!». Слова эти принадлежат одному из героев Виктора Гюго и написаны, между прочим, в то же самое время, когда создавались «Маленькие трагедии».

Но позвольте, скажут мне, есть и у Пушкина персонаж, который «творит до конца». Отравляет. И кого — самого Моцарта! С колебаниями и сомнениями, но отравляет.

Однако взгляды пристальней: до конца ли творит? Не останавливается ли и он если не на полпути, то где-то к «концу» поближе?

Мы видим, какую недюжинную избирательность проявляет Сальери, чтобы оправдать себя. Какие великие тени призывает на помощь.

А Бонаротти? или это сказка Тупой,
бессмысленной толпы —
и не был
Убийцею создатель
Ватикана?

Я обращаю ваше внимание на знак вопроса, которым заканчивается трагедия «Моцарт и Сальери». О чем свидетельствует он? Не о том ли, что дело тут не только в зависти? Зловещую идею подкинул Сальери — этому предвестнику Расколь-